

Владимир Петрович Устинов:

Примерно за неделю до начала войны мы с братом приехали в пионерский лагерь Зиново в Тейковском районе. На воскресенье, 22 июня, был назначен день посещения. Поезд из Иванова приходил в двенадцать часов дня, а часов в десять среди пионервожатых прокатился гул: «Война, война, война!» Мы, дети, ничего не понимали. Наконец нас выстроили на линейке, и начальник лагеря объявил, что Германия напала на Советский Союз. В этот момент над нашими головами пролетел самолет. «Немец летит!» - закричали, кто помладше. А старшие товарищи ответили: «Это наши, у немцев таких самолетов нет». В 12 часов, как и предполагалось, приехали родители с гостинцами, они тоже пока толком ничего не знали. Так, в пионерском лагере и началась для меня война. Сразу были приняты очень строгие меры по дисциплине, и главное - с территории лагеря ни на шаг. Каждое утро - построение на линейку, где в первую очередь нам зачитывали сводки с фронта. Мы стали играть в военные игры. Впрочем, кормили нас в первое время, как обычно, и, несмотря на сложную военную обстановку и режим затемнения, пионерский костёр в конце смены не отменили...

Осенью я вернулся в школу, но проучились в ней только первую четверть, а потом наше здание заняли под госпиталь, а нас расформировали по другим, которые постоянно менялись; при этом ещё и разделили на «женские» и «мужские» классы. После долгих скитаний наш «мужской» класс оказался в сыром подвале электромеханического техникума. Там было очень холодно. Учиться мы ходили мы со своими чернильницами-непроливайками. Парт не было, их заменяли деревянные столы и обыкновенные стулья.

Очень хорошо помню своих учителей того времени. Учитель немецкого языка - Павел Григорьевич, молодой, лет 25-27. Проучив нас эту первую четверть, он ушёл на фронт. Новый директор школы Иван Сергеевич Короедов, мужчина лет пятидесяти, в годы войны преподавал у нас математику, физику и астрономию, за что ему огромное спасибо. Елизавета Ивановна - учительница русского языка. Высокая, стройная, она получила от нас, сорванцов, прозвище «Селёдка». Елизавета Ивановна приучила меня любить поэзию. Своё прозвище было и у учительницы немецкого языка Веры Ивановны Васильевой. Мы называли её просто – «Немка». К «Немке» в годы войны было отрицательное отношение. Мы шумели, когда она входила в класс. Она хлопала по столу ладонью и кричала: «Kinder, ruhig!» А мы хором отвечали: «Naturlich!» Бывало, и хулиганили. Как-то раз налили ей чернила не в непроливайку, а в обычную лоханочку. Она, как обычно, стукнула по столу, когда мы начали шуметь, и капелька чернил попала на журнал. Но сейчас о Вере Ивановне я храню самые теплые воспоминания. Был у нас и военрук, демобилизованный по ранению. Он проводил занятия с макетами винтовок, учил ползать по-пластунски, показывал строевые приемы. Мы ему говорили: «Мы не видим, как вы ногами делаете, залезайте на стол, покажите!» И он

залезал. Практически весь учительский состав с пятого класса довел нас до десятого.

Помню, как мы классом ходили в госпиталь, который располагался в нашей родной 30-й школе, поддерживали раненых, читали стихи. Помогать нам не разрешали. Могли только водичку дать попить. Мы боялись как-то навредить пациентам. Кровати стояли тесно, помещений не хватало. А осенью нас посылали в колхоз теревить лён. Это была ужасно тяжёлая работа. Руки все покрывались волдырями и нарывами. Но там нас кормили: давали молоко, картошку, турнепс.

После школы мы приходили домой. Наступало время домашнего воспитания. Отец как «белобилетник» в годы войны оставался в Иванове, работал. Мать стала надомницей, так как у нас была швейная машинка «Зингер». В то время такая машинка считалась «золотым дном». Мама шила из меланжевой ткани военные гимнастёрки. Я тоже научился. Мне доверяли строчить подол. И это была ответственная работа: шов должен был быть тоненьким, не больше одного сантиметра - госприемка за этим следила. Я сидел за машинкой несколько часов в день после школы, а уже потом шел гулять в Павловский овраг.